

ство: «То, что делает факты значимыми, интересными, нужными – заключается, в значительной мере, именно в смысловом и ценностном их аспекте, во взгляде с определенной точки зрения. Если даже и можно выделить в фактическом знании «голую» информацию, вне-смысловое содержание факта, то такое содержание будет буквально бессмысленным, прежде всего для самой науки» [6, с. 196].

Подобные мнения высказываются и другими учеными. В. Л. Чуйко отмечает, что «далеко не все наши представления непосредственно зависимы от практики и отзеркаливания природы» [8, с. 9], а В. П. Визгин считает, что «ненаучный контекст науки», ее культурная среда не может быть отделенной от самой науки – она составляет само тело науки, ее «постав» [2, с. 47]. Очень интересную мысль высказал немецкий философ Г.Йонас. Он выдвигает тезис о том, что «аксиология должна стать частью онтологии – то есть, необходимо осознать, что ценности укоренены и в бытии, тем самым преодолевая «кажущуюся бездну между бытием и долженствованием» [3, с.124].

Из вышесказанного следует, что не всегда можно отделить науку «как познание» от науки как культуры. Ценности же науки и культуры не могут существовать, не взаимодействуя и не учитывая потребностей человека и социума. И как бы по-разному на первый взгляд ни выглядели ценности науки и культуры, они существенно похожи и онтологически необходимы. Сущность же ценностей, по выражению Г. Риккерта, «заключается не в их фактичности, то есть не в их существовании, а в их значимости. Про ценность нельзя даже сказать, что она «есть», сфера ценностей – это «смысл, лежащий над всяким бытием» [7, с. 46].

Современный кризис науки часто связывают с кризисом научной рациональности, а аксиологические вопросы поднимаются только как вопрос о ценности самой науки. Однако представляется, что истоки этого кризиса нужно искать не столько в научной рациональности, сколько в кризисе смысла, смещении ценностных акцентов в культуре. В результате культура выбирает направление, ведущее ее к таким реалиям, которые сегодня принято называть глобальными проблемами человечества и гуманитарными проблемами современности.

Источники и литература

1. Борчиков С.А.. Методологическое значение понятия парадигмы познания // http://www.ozersk.ru/philosophy/ro1/bor_ro1.shtml.
2. Визгин В.П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. – М.: Наука, 1990.
3. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації: Пер. з нім. – К.: Лібра, 2001.
4. Кримський С.Б. Запити філософських смислів. – К.: Парапан, 2003. – С.27.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. Мелков Ю.А. Факт в постнеклассической науке. – К.: Парапан.
6. Риккерт Г. Два пути теории познания: Пер. с нем. // Новые идеи в философии. – Сб. 7. – СПб.: Образование, 1913.
7. Чуйко В.Л. Рефлексія основоположень методологій філософії науки. – К.: Центр практичної філософії, 2000.

Семиколенов В.Н.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОРАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что к концу XX – началу XXI века сформировались условия для качественно нового этапа в развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры и информационной среды в целом, что приводит к необходимости анализа специфики бытия морали в информационном обществе. Изменения, происходящие в мире, непосредственно затрагивают такую основу существования человека, общества и культуры, как мораль.

На сегодняшний день существует множество работ, посвященных специфике информационного общества (М. Альетта, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Н. Гарнэма, Э. Гидденса, М. Кастельса, Ж.-Ф. Лиотара, А. Липица, М. Постера, А. Тоффлера, А. Турена, Г. Шиллера, Ф. Уэбстера, Ю. Хабермаса, Д. Хорви и др., а также отечественных и российских ученых Ю.Ф.Абрамова, Г.Т.Артамонова, Н. П. Ващекина, А. С. Гальчинского, В. Л. Иноземцева, В. В. Кизимы, В. О. Ковалевского, М. М. Кузнецова, И. Н. Курносова, Г. П. Несвита, Ю. А. Нисневича, Б. А. Парахонского, Г. Г. Почепцова, В. М. Розина, Г. Л. Смоляна, Д. С. Черешкина и др.). Однако авторы, исследовавшие вопросы, связанные с информационным обществом, не ставили специально проблемы воздействия информационного общества на мораль.

Тем не менее, мораль и моральные установки являются не только регулятором отношений в социуме, но и регулятором поведения личности в соответствии с ее целями, ценностями и жизненными смыслами. В информационном обществе, одной из особенностей которого является избыточность информации, проблема выбора моральных приоритетов значительно усложняется. Учитывая диалогичность сознания и его деятельностно-коммуникативную природу, мы можем констатировать, что мировоззренческие, а соответственно, и морально-нравственные представления существенно изменяются при взаимодействии с информационной средой.

Представляется, что проблема специфики бытия морали в информационном обществе может быть адекватно поставлена только тогда, когда, во-первых, прояснен вопрос о месте и функциях морали в историко-культурном развитии общества вообще и, во-вторых, определена специфика методов исследования морали. Однако при определении методологических оснований для изучения морали в культурных перспективах ин-

формационного общества возникает ряд проблем:

- постмодернистский скепсис в современной культуре не предполагает той константы, вокруг которой могла бы структурироваться духовная жизнь как человека, так и культуры;
- анализ различных взглядов на мораль в истории философии, сравнительно-аналитический метод в исследованиях могут быть использованы, но лишь как вспомогательные;
- рассмотрение социокультурной динамики морали, исторический подход к проблеме оказываются полезными, однако скорее для иллюстрации общекультурного процесса, чем для выявления самого механизма изменения моральной нормы;
- феноменологический подход к анализу проблемы уместен, однако принятие его в качестве основного чревато опасностью погружения в огромное количество деталей и нюансов восприятия различных видов информации и их влияния на мораль.

Интересны также адаптационный (А. Гелен) и идеационный (П. Сорокин) подходы. Однако наиболее оптимальным представляется аксиологический подход к изучению морали в культурных перспективах информационного общества, который мы считаем возможным применить в исследовании в качестве основного методологического подхода. Прежде всего потому, что культура неизбежно продуцирует ценностно-смысловой дискурс. Однако бытие смыслов и ценностей невозможно вне связи с моралью и нравственностью, а также с морально-нравственным идеалом.

Г. Риккерт особо подчеркивал, что во всех явлениях культуры всегда присутствует воплощение какой-либо признанной ценности, ради которой эти явления созданы [2]. Таким образом, целеполагание, полагание ценности и смысла представляются первичными по отношению к реалиям культуры. В таком случае возникает необходимость выявить те цели, ценности и жизненные смыслы, которые обрели свое бытие в нынешней культуре.

Представляется, что мораль – это специфический общественный феномен, обладающий относительной самостоятельностью в общей структуре общества, т.е. подчиненный в своем существовании и развитии особым, свойственным лишь ему законам. В то же время мораль не изолирована от других сторон общественного целого, а находится с ними в необходимых и прочных связях, испытывая на себе их влияние и воздействуя на них. Считая социокультурную обусловленность морали и моральной цели очень значительной, мы можем поставить вопрос о взаимоотношении экономической, общественно-политической и моральной цели общества. Эти цели тесно связаны друг с другом, поскольку моральная цель так же общественно-обусловлена, как и цель общекультурная, экономическая, политическая, правовая и т. д.

К концу XX – началу XXI века на основе взаимопроникновения различных технологий и систем производства, переработки, передачи, распределения информации формируются условия для качественно нового этапа в развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры и в целом информационной среды, которая постепенно становится доминирующей в развитии человеческого общества. Развитие информационной деятельности влечет за собой и развитие информационных отношений общества, которые, в свою очередь, как считают Н. П. Ващекин и Ю. В. Абрамов, воздействуя на общественное сознание, порождают в последнем исторически новую информологическую форму общественного сознания [1, с. 291]. Однако в общественном сознании, как и в индивидуальном, ключевым моментом нам представляется именно мораль, поскольку мораль прежде всего связана с оценкой информации, ее использованием или отклонением.

Проблема выбора моральных приоритетов значительно усложняется в ситуации, когда практически в любой точке пространства, куда получили доступ информационные технологии, потенциально присутствуют различные культурные миры (благодаря информации, потреблению, социальным, культурным и религиозным взаимодействиям). Количество присутствия таких «миров» в каждом конкретном месте зависит от доступности источников информации, многообразия межкультурных отношений, миграции и т. д.

В ситуации информационного общества, как полагает М. Алброу, представление, что мы живем в замкнутом, замыкаемом месте, стране, культуре оказывается на опыте просто фикцией [4]. С дальнейшим развитием информационных технологий, международной экономической и политической интеграции эти тенденции будут усиливаться. Что же касается морали как основы культурной традиции, то здесь можно отметить опасную тенденцию – в современном мире вместе с культурной традицией и лежащими в ее основе описанием мира, ценностями размывается также представление о морали. Мораль нивелируется. Этому способствуют не только процессы интеграции культур и доступность информации самого различного свойства, но и небывалая ранее «свобода» личности, которая сняла очень многие моральные конфликты. Однако, на наш взгляд, это явление далеко не всегда может быть оценено как позитивное. Кроме того, снятие определенных моральных конфликтов внутри личности и внутри культуры непосредственно связано с экономическими, политическими и идеологическими целями общества потребления. Мораль оказывается той данностью, воздействуя на которую достигается нужный результат в управлении сознанием и поведением людей.

Сегодня радикально меняется и дальше будет меняться поток информации. Качественно трансформируются мышление, сознание, деятельность, межличностные и групповые отношения, формирующиеся в условиях информационно насыщенной среды. Поколение, вырастающее в тесном общении с компьютерами, электронными играми, мобильной связью, отличается от предыдущего как мировоззренчески, так и по психологическим, моральным и духовным параметрам. Речь идет не только о навыках владения вычислительной техникой, но и об изменениях фундаментальных духовно-культурных структур, понятий и представлений. Иначе организуются внешний мир, образ жизни, интеллектуальные способности развиваются не просто быстрее и разностороннее, но и в ином социально-временном измерении. Современные технологии

приносят в мир постоянно растущие объемы информации, однако многие интеллектуальные, моральные, духовные достижения от информации практически не зависят. Здесь возникает проблема соотношения информации и знания, поскольку владение информацией и даже умение оперировать ею зачастую не делают человека ни разумным, ни тем более – духовным, моральным, нравственным.

Однако следует отметить, что, несмотря на мировоззренческий, а соответственно – и морально-нравственный плюрализм, в значительной мере снимающий нравственные конфликты внутри личности и делающий практически ненужным нравственное усилие для совершения или несовершения поступка, тем не менее, в современном обществе остро стоит вопрос о возрастании неврозов и психических заболеваний. Таким образом, мы, по-видимому, сталкиваемся с проблемой онтологического характера – некоторые моральные нормы являются не просто предпочтением человека и культуры, а условием их выживания. Так, например, Э. Фромм считал, что проблемы психического здоровья и неврозов неразрывно связаны с проблемами этики. Он пишет: «Можно даже сказать, что каждый тип невроза вскрывает соответствующую моральную проблему. Невозможность обрести зрелость и полноту личности есть в понимании гуманистической этики моральная несостоятельность. Говоря более конкретно, неврозы – это выражение моральных проблем, а невротические симптомы возникают как следствие неразрешенных моральных конфликтов» [3; с. 176].

Сегодня нередко высказываются мнения о том, что старые духовные ценности и жизненные ориентации людей либо не соответствуют новым реалиям культуры, либо не во всех случаях способны выполнять роль регуляторов отношений между людьми, нациями, государствами, мировыми системами. Нужны новые ценности, новое понимание ценности человека, истории, культуры, наконец, самой жизни. К сожалению, подобные высказывания носят декларативный характер. Нет конкретного указания на то, какие именно «старые ценности» не соответствуют «новым реалиям» (и что это за реалии). Кроме того, возникает вопрос – онтологична ли мораль и существуют ли такие ее предписания, нарушение которых ведет к катастрофическим последствиям, или же она, как ценности времени и культуры, только дело предпочтения. Если верной окажется первая посылка (а мы склоняемся именно к этому мнению), то тогда скорее культуре для собственного выживания придется учитывать необходимость соблюдения определенных моральных норм и приоритет базовых ценностей, вместо того, чтобы менять моральные постулаты и ценности в соответствии с реалиями информационного общества.

Источники и литература

1. Albrow M. Abschied von der Heimat. – Frankfurt.M.: Suhrkamp Verlag, 1998. – 285 s.
2. Ващекин Н.П., Абрамов Ю.Ф. Информационная деятельность и мировоззрение / Под ред. А. Д. Урсула – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990. – 332 с.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 416 с.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 415 с.

Смирнова Е.Л.

«ДРУГОЙ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

Одной из характерных особенностей философской антропологии XX века стала явная проблематизация человеческого существования, в том числе и такого фундаментального его аспекта, как коммуникация, что даже дало основание Н. Луману сформулировать и обосновать тезис о невероятности коммуникации. Безусловно, одна из основополагающих причин подобной проблематизации кроется в новом, более обостренном отношении «Я» – «Другой». Другой, активно вторгаясь в коммуникативное пространство «Я», не только все больше отвоевывает его, но и разделяет на разные сферы.

К особенностям социальной коммуникации в условиях техногенной цивилизации относится, прежде всего, увеличение количества посредников и, как следствие, многообразных барьеров (как техногенного, так и психологического характера) на пути взаимодействия Я – Другой. Кроме того, – это нарастание фрагментарности дискурса отдельных коммуникативных актов, его символической лаконичности и высокой контекстности (например, общение посредством SMS, ICQ), что, безусловно, не способствует развитию таких базовых коммуникативных навыков, как развернутое и логически связанное изложение собственных мыслей и переживаний, готовность вслушиваться в речь собеседника для того, чтобы проникнуть в ее смысл, а не для формального поддержания общения, и ряд других. Наконец, нельзя не отметить и столь очевидное и все более возрастающее доминирование средств массовой информации в формировании коммуникативных предпочтений участников процесса коммуникации.

Это нашло отражение как в углублении раскола индивидуальной идентичности, размывании ее границ (Другой внутри Я), так и в многочисленных культурных, политических, религиозных, национальных, гендерных и иных оппозициях Я – Другой, каждая из которых является одним из коммуникативных векторов. Таким образом, с одной стороны, в условиях столь активного расширения коммуникативного пространства отдельной личности все более настоятельной, хотя и не всегда ясно осознаваемой является потребность индивидуального «Я» защитить себя разными способами (различного рода зависимости, демонстративное противопоставление себя другим и пр.), так и желание слиться с этим многоликим Другим в поисках своей идентичности (от флэш-моб акций до подверженности влиянию тоталитарных сект).

Подобные изменения во взаимоотношениях Я – Другой, как, впрочем, и само понимание сущности этих двух участников коммуникации, достаточно чутко было уловлено современной философией. Так, например, в психоанализе Ж. Лакана существует скорее Другой, чем Я («Я это Другой») [2, с. 14]. Субъект получает от